

С.Б. Королева, Н.Б. Шibaева

СОВЕСТЬ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ: РУССКИЙ ПОДТЕКСТ РАССКАЗА ДЖОНА ГОЛСУОРСИ «CONSCIENCE»

Рассматривается проблема рецепции русской литературы в творчестве Джона Голсуорси в контексте осмысления писателем особенностей русского и английского национального характера. Анализируются сюжет и образность рассказа «Совесть» (Conscience, 1922), доказывається их соотносительность с восприятием Голсуорси особенностей содержания и языка русской литературы, места концепта «совесть» в русской культуре и разработкой мотива совести в рассказах Чехова. Обнаруживается обусловленность его основных сюжетных узлов искусственным переносом русской модели поведения на английскую почву.

Ключевые слова: Джон Голсуорси, русская литература, рецепция, Чехов, эссе, концепт «совесть», рассказ, мотив, сюжет.

В истории русско-английских литературных и культурных связей рубеж XIX–XX вв. играет особую роль. «Мода на все русское» в этот период, по меткому и ироничному замечанию С. Моэма, захватывает живопись, музыку, литературу. «Встречное течение» по отношению к русской художественной прозе окрашивает творчество Дж. Конрада, Б. Шоу, У. Джехарди, Х. Уолпола, В. Вульф. Имя Джона Голсуорси не исключение в этом ряду. Известен глубокий интерес выдающегося английского писателя-реалиста к стилистическим и содержательным особенностям произведений Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова [1]. То, что его искусство несет на себе печать языка и художественного метода Тургенева, отмечено как в российском, так и в зарубежном литературоведении: «Тургенев дал глубинный эстетический импульс, позволивший Голсуорси превратить его социальные типы в живых людей» [2. С. 187; 3].

О высоких достижениях русских писателей, достоинствах русской прозы, о русской драматургии, русской культуре многое сказано в эссе Голсуорси разных лет: «Туманные мысли об искусстве»

(*Vague Thoughts on Art*, 1911), «Заметка об Эдварде Гарнетте» (*A Note on Edward Garnett*, 1914), «Англичанин и русский» (*Englishman and Russian*, 1916), «Силуэты шести писателей» (*Six Novelists in Profile*, 1924), «Двенадцать книг – почему» (*Twelve Books – and Why?*, 1927), «Еще четыре силуэта писателей» (*Four More Novelists in Profile*, 1928). Красной линией проходит в них мысль о том, что русская проза – «мощнейшее течение» в современной литературе ('that current in literature far more potent than any of those traced out in Georg Brandes' monumental study' [4. P. 85]) и что она, искренне исследуя «глубины мыслей и чувств» ('the abysses of his thoughts and feelings' [4. P. 83]), не прибегая к самообману, отражает тот «страстный поиск истины» ('a passionate search for truth') [4. P. 85], который свойствен русскому человеку.

Искренность и глубину в исследовании человеческой души русскими писателями Голсуорси в эссе «Англичанин и русский» проецирует на английский менталитет и высказывает твердое убеждение, что до торжества пуританской морали в XVII в. такие же черты были свойственны и английской культуре [4. P. 86–87]. В основе этого убеждения лежит, конечно, историческое единство христианских корней английской и русской культуры, которое, в частности, отражено в сходстве значений и судеб слов «совесть» и 'conscience' в средневековую эпоху в России и Англии, в европейских странах в целом: «Появление в Новом Завете слова *συνείδησις* для обозначения способности нравственного суждения имело своим естественным следствием широкое распространение этого слова вместе с Евангелием и разработку понятия СОВЕСТЬ в странах христианской культуры» [5. С. 525].

Примечательно, что связь совести как внутреннего голоса нравственной правды (нравственного добра) с самим Господом, а через него и человека с Богом была очевидна в XVIII в. и французскому философу Пьеру Бейлю, и английскому писателю, составителю знаменитого словаря Сэмюэлю Джонсону, и составителям Словаря Академии Российской [5. С. 527–528; 6]. Однако постепенно под влиянием протестантского мировоззрения, и особенно в XIX в. как следствие торжества евангеликализма и позитивизма в английской культуре, понятие СОВЕСТИ (conscience) перестало играть какую-либо значимую роль, место самообличения заняло самоограничение

или же иллюзия самоограничения: «Рост евангелистского благочестия шел параллельно усилению утилитарных идей в политике, и хотя эти два процесса расходились содержательно, в практических результатах они сходились. <...> ...они оба распространяли суженные представления о жизни, неважно, были ли они связаны с идеей спасения души или же с идеей материального благополучия» [7. Р. 99]. Не случайно в эссе Голсуорси говорится о том, что англичанам свойствен «самообман» (self-deception) при тяге к «букве правды» (the forms of truth) и желание «победить» (win) – при осторожном нежелании увидеть в себе, в жизни мутный «осадок» (dregs) [4. Р. 82–83].

В России же XIX в. слово «совесть» продолжало играть важную роль и в книжной, и в народной культуре¹, причем в обеих оно использовалось в основном своем значении «внутреннего нравственного голоса» [5. С. 528–529]. Множество пословиц и поговорок, связанных с ним, зафиксировано в словаре В. Даля; оно звучит постоянным мотивом в поэзии А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова, в прозе Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова: «<...> совесть для него <Пушкина>, для Лермонтова, для Толстого и Достоевского была реальностью <...> У Чехова есть рассказ “Студент”. <...> Сам Чехов считал его лучшим из всего написанного», в нем «растроганные бабы» плачут оттого, что им «близки тот стыд, муки совести апостола» Петра [8].

В отношении творчества Чехова – его рассказов и пьес – для Голсуорси особенно значимо представление о связи русской литературы с русской народной культурой и русским характером². В сборнике эссе «Еще четыре силуэта писателей» Голсуорси выделяет Чехова не только как «самого мощного магнита» для европейских писателей-модернистов, не только как художника слова, которому удалось запечатлеть жизнь в ее «трепетности и калейдоскопической пестроте», но и как автора с «безошибочным чувством типично русского характе-

¹ Это при том, что оно стало восприниматься как слово однозначное, спектр же иных значений, в которых оно употреблялось в прошлом, перешел к слову «сознание» [5. С. 528].

² Перевод сборника его рассказов на английский язык впервые был сделан Р.И.С. Лонгом; в 1903 г. он вышел в печать под названием «“Черный монах” и другие рассказы» (*The Black Monk and Other Stories*). Последовательно Чехова стали переводить в Англии в 1910-х гг. Констанс Гарнетт в течение 1916–1922 гг. перевела 13 томов рассказов и пьес Чехова.

ра». Более того, именно с его русскостью он связывает невозможность пересадки особенностей чеховской поэтики на английскую почву: «Ни у кого из других русских писателей его поколения мы не найдем такого понимания русского ума и русского сердца <...> в силу <...> контраста между двумя национальными характерами форма чеховских рассказов так привлекает английских писателей и так чужеродна для них» [9]. Сердцевиной же всего русского Голсуорси называет в эссе о Чехове «чувство» и пренебрежение «материальными ценностями и принципами». Несколько иначе говорит он об этой сердцевине в эссе об англичанах и русских: здесь он называет в качестве важнейшей черты русского характера тягу к самопознанию и самораскрытию ('The Russian <...> revels in self-knowledge and frank self-declaration') [4. P. 83].

Общее основание размышлений Голсуорси о русскости проявляется в другом эссе: здесь о Чехове говорится как одном из настоящих «реалистов», которые умеют изображать «движения и эмоции жизни» без «моральной драпировки» ('The acts and emotions of life undraped with ethics') [10]. Таким образом, именно с Чеховым Голсуорси связывает квинтэссенцию русского характера – стремление к эмоциональному, живому и глубокому познанию жизни и себя, своей души. Естественным же «органом» такого познания является совесть – иррациональный голос истины внутри человека, «орган этической, нравственной оценки» в душе человека [11] и один из постоянных мотивов в прозе Чехова [12].

Именно о совести проникновенные слова Ивана Ивановича – героя, явственно близкого писателю: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» [13. С. 64]. В рассказах Чехова «Сон», «Беззаконие», «Perpetuum mobile», «Раз в год», «Пустой случай», «Беспокойный гость» и др. герои попадают в ситуацию нравственного выбора и часто действуют, полагаясь именно на голос собственной совести, ориентироваться на который есть высокое требование русской духовной культуры.

Следование голосу совести у Чехова – внутренний порыв, интуитивно идущий от сердца, и одновременно – это социально значимая и социально принятая модель поведения. Вот почему, в частности, в рассказе «Сон» мотив совести выражен в условных «оправдательных» конструкциях, увязан с образом сердца, мотивом нравственной боли и описанием ожиданий обиженных и ответных полуосознаваемых действий: «<...> Если бы не бедность, разве у меня хватило бы храбрости оценивать в гроши то, что стоит здоровья, тепла, праздничных радостей? За что же <...> терзает меня моя совесть? <...> Но как ни билось мое сердце, как ни терзали меня страх и угрызения совести, утомление взяло свое. Я уснул. <...> ...В окно глядели нищие, старухи, проститутки, ожидая, пока я отопру ссуду и возвращу им их вещи. <...> У меня сжалось от боли сердце, и я, чтобы проснуться, защищал себя... Но вместо того, чтобы проснуться, я стоял у витрины, вынимал из нее вещи и судорожно пихал их в карманы старика и парня» [14].

Очерченный биографический и культурно-исторический контекст подталкивает к предположению о том, что *рассказ Голсуорси «Совесть» (Conscience, 1922) есть литературно-культурологический эксперимент*: в его образности и сюжете русская (чеховская) модель «поступка по совести» пересаживается на современную писателю английскую почву. О том, что совесть как внутреннее мерило правильности мысли, чувства, поведения в XIX – начале XX в. оставалась значимой ценностью для русской культуры и перестало быть таковой для английской культуры, было сказано выше, равно как и о том, что поиск истины в сложнейших чувствах для Голсуорси являлся сердцевинной русской чертой и высшим достижением русской литературы. О том, как все это связано с сюжетом рассказа «Совесть», следует говорить на основе анализа его сюжета и образности.

В рассказе Голсуорси журналист Таггарт пишет статьи за других. Зарабатывая себе таким образом на жизнь, он действует так же, как множество других журналистов, т.е. по законам окружающего его общества, в соответствии с его моралью. Мораль эта поясняется в тексте просто: «Значит, стоит прилепить ярлык благопристойности, и от этого все сразу станет приличным», «Тебе платят, ну и делай, что от тебя требуют. Стоит ли расстраиваться?» ('Give a thing a decent label, and it is decent', 'You get a fixed screw for doing what you've

told. Why worry?») [15. С. 146; 16. Р. 260]. В мире, где все продается и покупается по определенным правилам, нет места совести: ее замещают нормы приличия и «практичный здравый смысл» (practical common sense) – те самые вещи, о которых Голсуорси говорит как о значимых чертах английского характера [4. Р. 83, 85].

Но однажды он попадает в ситуацию, которая подталкивает его к переосмыслению своей жизни. Главный редактор просит его написать статью за знаменитого клоуна, и Таггарт вдруг понимает, что его провоцируют совершить подлог, мошенничество. Более того, он впервые осознает и то, что его работа в принципе связана с обманом, поскольку она состоит в том, чтобы выдавать свои мысли и суждения за мысли и суждения неких известных людей, которым публика привыкла доверять. Мысль о мошенничестве не дает Таггарту покоя. Внутренние противоречия, сомнения, борьбу в душе своего персонажа Голсуорси передает в форме внутреннего диалога: «Мошенничество? Нет, конечно, нет! Это просто работа за других»; «Опять это слово жужжит в мозгу... Нет, надо отделаться от него! Он просто выполняет заказ» («<...> – fraudulent! – Bosh! This was just devilling; there was nothing fraudulent about “devilling” – everybody did it <...> That word again – must keep it from buzzing senselessly round his brain <...>») [15. С. 144; 16. Р. 258]. Беспокойство, сомнения порождают цепочку суетливых внешних действий: Таггарт «вскочил, потом снова сел», «опять встал и прошелся по комнате» («He got up, and sat down again», ‘He rose again and toured the disheveled room’) [15. С. 145; 16. Р. 259]). Находясь во внутренне разорванном состоянии, герой чувствует себя очень несчастным, как будто обнаруживает, что болен туберкулезом («it was like discovering that he had inherited tuberculosis» [16. Р. 261]), пока, наконец, не принимает решения последовать голосу совести и не обретает внутреннего равновесия, ощущения легкости и свободы.

Полагаясь на внутреннее ощущение правды, Таггарт объявляет шефу: «Ведь это значит вести с публикой нечестную игру...», «Я не желаю больше писать за других...» («Is it quite playing the game with the Public, sir? <...> I don’t want to write anyone else’s staff in future») [15. С. 147; 16. Р. 262]. Примечательно это схождение общехристианского концепта «совесть» (с русским акцентом на эмоциональной, личностно переживаемой ее составляющей) с английским концептом

Честной игры (Fair Play). Это схождение указывает на специфику эксперимента Голсуорси: совесть в герое его рассказа просыпается как бы сама по себе, неожиданно восставая против самообмана, приличий и здравого смысла, столь привычных и важных ценностей для викторианского общества. Просыпается потому, что и в этом обществе существует представление о честности в виде «честной игры» – «соблюдения писанных и неписанных правил», игры «по правилам» [17. С. 177]. Совесть разворачивает это представление из английской условности самообмана и правил приличия в русский безусловный поиск истины, как бы срываясь в бездну русских «болезненных» (не случайно здесь возникает ассоциация с туберкулезом, столь связанным с Чеховым!) угрызений совести, душевных страданий, вызываемых ими ('suffering from a fit of conscience' [16. P. 262]). В диалоге героя с редактором автор иронически сближает концепт «совесть» и с представлением о честности в торговых отношениях: объясняя свою позицию, Таггарт спрашивает, не имеют ли укоры его совести отношение к коммерческой честности, чем навлекает искреннее возмущение шефа: «<...> меня еще никогда так не оскорбляли» ('I have never been so insulted'). И эта реакция понятна: там, где есть место коммерции, места совести нет.

Руководствуясь неожиданно возникшим нравственным импульсом, обнажившим в общественной (коммерческой!) морали лицемерие, герой перестает соответствовать заданной обществом норме: он не следует служебным инструкциям, отрицает норму обычая и в результате теряет работу, положение в обществе, средства к существованию и даже становится бездомным. В глазах общества Таггарт становится «чудаком» ('a bit of a crank' [16. P. 263]), едва ли не юродивым в русском смысле этого слова, отрицающим лживые законы существования человека в обществе, утверждающим идеал чистой совести, идущим против прагматического утилитаризма. Он оказывается абсолютно одиноким и непонятым, не принятым в своей борьбе против ложных правил приличия, убеждается в тщетности своей борьбы, хотя то, что в нем утверждается и растет ощущение правильности своего поступка, морально поддерживает его ('<...> the more he brooded, the more he felt he had been right' [16. P. 263]). Рассказ заканчивается внутренней речью героя: Таггарт размышляет о том, что он – как и все – долго жил по принятым правилам, не за-

думываясь об их ложности, о том, что вывеска не совпадала с сутью явлений. Его вывод ироничен: ‘Conscience! – it was the devil!’ [16. P. 264] (Дословно: «Совесть! – Она была дьяволом!»), который, конечно, отражает иронию автора по отношению и к профанной перевернутости ценностей в современном ему английском обществе, и к проведенному им в рассказе эксперименту.

Суть этого эксперимента можно описать так: 1) автор задает *чеховскую перспективу* короткого рассказа – фрагмента обычной жизни обычного героя, но в условиях современной английской культуры; 2) затем он подводит героя к моменту внутренней коллизии, связанной с расхождением *английской модели приличного и прагматичного поведения* с требованиями нравственности, т.е. с голосом совести (что, естественно, очень схоже с принципом разворачивания сюжета в целом ряде чеховских рассказов); 3) живописует выбор героя в пользу истинного, т.е. нравственного, совестливого поведения (как это делает Чехов в рассказах «Сон», «Беззаконие», отчасти в рассказах «Беспокойный гость», «Раз в год» и др.); 4) наконец, описывает последующее автоматическое изгнание героя, потерю им не только материального благополучия, обустроенности, но и всех связей с окружающим его обществом.

Этот последний этап эксперимента обнаруживает его нежизнеспособность: пересаживание русской модели поведения «жить по совести» (модели поведения «не от мира сего», по божеским, а не человеческим законам, часто приводящей и в рассказах Чехова к значительным, часто роковым потерям для тех, кто ей следует) на английской почве оборачивается полным их взаимоотрицанием, обрубанием всех возможных связей. Заставляя героя отказаться от видимой честности в пользу честности истинной, Голсуорси проводит его по пути полного отрицания своего участия в жизни общества, а общество – по пути полного отрицания выбора или даже жизни героя. Герои Чехова, делающие свой выбор в пользу поступка или даже жизни по совести, могут быть судимы или осуждаемы, могут страдать от лишений или наказаний, но при этом они не теряют связи с окружающими, поскольку реализуют одну из частотных для русской культуры моделей поведения. Тагарт же теряет все – кроме чистой совести и легкости бытия.

Таким образом, контекст публицистических высказываний Дж. Голсуорси разных лет о русской литературе и Чехове, о русском

характере и английском менталитете высвечивает экспериментальную основу рассказа «Совесть». Сюжет, образность, идейная основа рассказа несут на себе явственный отпечаток чеховской разработки мотива совести, сам же рассказ представляет собой не что иное, как иронический литературно-культурологический эксперимент по пересадке русской модели поведения «поступать по совести» на английскую почву. Результатом эксперимента становится обнаружение тотального несовпадения русского и английского отношения к нравственному закону и правилам приличия – того самого несовпадения, которому Голсуорси посвятил эссе «Англичанин и русский». Это обнаружение, однако, не снимает напряженности авторской иронии, за которой просматривается желание раскатыть благопристойность соотечественников «русской» совестью.

Литература

1. Soboleva O., Wrenn A. John Galsworthy: Is It Possible to 'De-Anglicise the Englishman'? // Soboleva O., Wrenn A. From Orientalism to Cultural Capital. The Myth of Russia in British Literature of the 1920s. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Wien: Peter Lang, 2017. P. 65–99.
2. Красавченко Т.Н. Джон Голсуорси и русская литература // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2019. № 3. С. 177–188.
3. Turton G. Turgenev in the context of English literature, 1850–1900. London; New York: Routledge, 1992. 229 p.
4. Galsworthy J. Englishman and Russian // Galsworthy J. Another Sheaf. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1919. P. 82–87.
5. Прохоров Г.М. Древнерусское слово съвѣсть и современные русские слова совесть и сознание (Заметки историка культуры) // Труды отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 55. С. 523–535.
6. Johnson S. A Dictionary of the English Language. A Digital Edition of the 1755 Classic by Samuel Johnson. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/search-johnsons-dictionary/?SearchValue=conscience>
7. Norman St. John-Stevas. The Victorian Conscience // Journal of the Royal Society of Arts. January 1972. Vol. 120, № 5186. P. 96–105.
8. Гранин Д. Наш враг – наша совесть // Огонек. 2001. № 41. С. 1.
9. Голсуорси Дж. Еще четыре силуэта писателей // Голсуорси Дж. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, Библиотека «Огонек», 1962. Т. 16: Статьи, речи, письма. URL: http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/golsworthy16_4.txt
10. Galsworthy J. Reflections On Our Dislike Of Things As They Are // Galsworthy J. The Inn of Tranquility: Studies and Essays. L.: William Heinemann, 1912.

Р. 220–225. URL: https://www.gutenberg.org/files/28760/28760-h/28760-h.htm#G4261link2H_4_0025.

11. Урысон Е.В. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 184–189.

12. Шибаева Н.Б. Русский этнокультурный фрейм «жить по совести» как производная лингвокультурного кода (на материале рассказов А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 216 с.

13. Чехов А.П. Крыжовник // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. С. 55–65.

14. Чехов А.П. Сон // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974. Т. 3. С. 151–155.

15. Голсуорси Д. Совесть // Голсуорси Д. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, Библиотека «Огонек», 1962. Т. 13. С. 141–149.

16. Galsworthy J. Conscience // Galsworthy J. Caravan: in 3 vol. L.: Heinemann, 1923. P. 255–264.

17. Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 158–181.

Conscience as an Experiment: The Russian Subtext of John Galsworthy's Short Story "Conscience"

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 14, pp. 110–121. DOI: 10.17223/24099554/14/5

Svetlana B. Koroleva, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: klimova1@hotmail.com

Natalya B. Shibaeva, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: svetlakor0808@gmail.com

Keywords: John Galsworthy, Russian literature, reception, Chekhov, essay, concept of conscience, short story, motif, plot.

John Galsworthy, as it is quite widely known, was strongly influenced by Russian literature. What is much less known, or even realized, is that this influence had at least two major lines: (1) a literary line, connected with a vivid perception of style, plot, other aesthetic and ideological discoveries of Russian novelists, and (2) a cultural line that carried Galsworthy to philosophizing on such problems as national character, national culture, and the historical development of the European civilization. In this second respect, Chekhov can be considered the central figure for the English writer. This supposition is based on some Galsworthy's essays in which Chekhov's name is directly connected with the idea of "Russianness", with such typical, according to the English writer's point of view, Russian traits as "a passionate search for truth", emotionality, self-knowledge, and self-declaration. Thus, these were, primarily, Chekhov's works that served for Galsworthy as the basis for his very special—both aesthetic and ideological—experiment. Galsworthy conducted this experiment in his short story under a "Russian", if not "Chekhovian", title "Conscience" (cf., Chekhov's short story

“Bezzakonie” [Iniquity, Lawlessness]). Conscience is a very significant motif in Chekhov’s works, and it obviously plays an important role in works by many other Russian authors, including Dostoevsky, which is not something inexplicable. Unlike English culture, which, during the 17th–19th centuries, shifted from reliance on the inner moral voice in a human being to faith in outer moral rules, Russian culture, on the eve of the 20th century, still preserved the authentic Christian belief that conscience is the voice of truth in man. Since, in his essays, Galsworthy declared Chekhov the most authentic Russian writer of all he had known, it is natural to assume that whenever we speak about the English writer’s experiment dealing with the Russian concept, we should bear in mind Chekhov (as the key point to understand the experiment). The essence of the experiment can be described in terms of transplanting the Russian model of “life according to the voice of conscience” to the everyday English reality contemporary with the author within the aesthetic texture of his short story. As a result, the hero, who starts—rather unexpectedly both for himself and everybody around him—living according to his conscience, loses his social status, money, job, home, as well as trust of all those who know him. He excludes himself (and is excluded) from social life and from all possible connections with the human world: the only “world”, the only environment open for him is nature. The experiment Galsworthy made in his short story “Conscience” proves that the Russian model of “life according to the voice of conscience” is not viable in the circumstances of English reality (contemporary with the author).

References

1. Soboleva, O. & Wrenn, A. (2017) *From Orientalism to Cultural Capital. The Myth of Russia in British Literature of the 1920s*. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang. pp. 65–99.
2. Krasavchenko, T.N. (2019) Dzhon Golsuorsi i russkaya literatura [John Galsworthy and Russian literature]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyy zhurnal*. 3. pp. 177–188.
3. Turton, G. (1992) *Turgenev in the Context of English Literature, 1850–1900*. London, New York: Routledge.
4. Galsworthy, J. (1919) *Another Sheaf*. New York: Charles Scribner’s Sons. pp. 82–87.
5. Prokhorov, G.M. (2004) Drevnerusskoe slovo s’vĕst’ i sovremennye russkie slova sovest’ i soznanie (Zametki istorika kul’tury) [The Old Russian word “s’vĕst’ ” and the modern Russian words “conscience” and “consciousness” (Notes of a cultural historian)]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. 55. pp. 523–535.
6. Johnson, S. (2012) Conscience. In: Besalke, B. (ed.) *A Dictionary of the English Language. A Digital Edition of the 1755 Classic by Samuel Johnson*. [Online] Available from: <https://johnsonsdictionaryonline.com/search-johnsons-dictionary/?SearchValue=conscience>.

7. Norman, St. (1972) John-Stevas. The Victorian Conscience. *Journal of the Royal Society of Arts*. January. 120 (5186). pp. 96–105.

8. Granin, D. (2001) Nash vrag – nasha sovest' [Our enemy is our conscience]. *Ogonek*. 41. p. 1.

9. Galsworthy, J. (1962) *Sobranie sochineniy: v 16 t.* [Complete Works: In 16 Vols]. Translated from English. Vol. 16. Moscow: Pravda, Biblioteka "Ogonek". [Online] Available from: http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/golsworthy16_4.txt.

10. Galsworthy, J. (1912) *The Inn of Tranquility: Studies and Essays*. London: William Heinemann. pp. 220–225. [Online] Available from: https://www.gutenberg.org/files/28760/28760-h/28760-h.htm#G4261link2H_4_0025.

11. Uryson, E.V. (2000) Golos razuma i golos sovesti [The voice of reason and the voice of conscience]. In: Arutyunova, N.D., Yanko, T.E. & Ryabtseva, N.K. (eds) *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language: Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 184–189.

12. Shibaeva, N.B. (2019) *Russkiy etnokul'turnyy freym "zhit' po sovesti" kak proizvodnaya lingvokul'turnogo koda (na materiale rasskazov A.P. Chekhova)* [The Russian Ethnocultural Frame "To Live According to Conscience" as a Derivative of the Linguacultural Code (Based on the Stories of A.P. Chekhov)]. Philology Cand Diss. Nizhny Novgorod.

13. Chekhov, A.P. (1977) Kryzhovnik [Gooseberry]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh* [Complete Works and Letters: In 30 Volumes]. Vol. 10. Moscow: Nauka. pp. 55–65.

14. Chekhov, A.P. (1974) Son [A Dream]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh* [Complete Works and Letters: In 30 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 151–155.

15. Galsworthy, J. (1962) *Sobranie sochineniy: v 16 t.* [Collected Works: In 16 Volumes]. Translated from English. Vol. 13. Moscow: Pravda, Biblioteka "Ogonek". pp. 141–149.

16. Galsworthy, J. (1923) *Caravan: in 3 vols*. Vol. 3. London: Heinemann. pp. 255–264.

17. Tsvetkova, M.V. (2001) Angliyskoe [The English]. In: Chervonnaya, O.Yu. (ed.) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: ucheb. posobie* [Intercultural Communication: A textbook]. N. Novgorod: DEKOM. pp. 158–181.